

MARIA LETIZIA LAZZARINI, *Le formule delle dediche votive nella Grecia arcaica*. Atti della Accademia Nazionale dei Lincei. Memorie. Classe di Scienze morali, storiche e filologiche. Serie VIII, vol. XIX, fasc. 2. Roma, 1976, стр. 45—354, II табл.

На современном этапе развития эпиграфики, когда документальный материал возрос колоссально, когда разного рода публикации в неиссякаемом потоке специальных сборников и на страницах огромного количества периодических журналов множат-

ся в геометрической прогрессии, все острее и острее чувствуется давно ошутимая потребность в эпиграфических разработках трех кардинальных направлений. Прежде всего имеется в виду, конечно, создание региональных и узко-локальных корпусов греческих надписей, сводящих воедино *in toto* весь накопленный к настоящему времени лапидарный архив данной области или отдельного полиса. Оборудование этих сводов исчерпывающими индексами не умаляет насущной необходимости в изданиях другого порядка, — а именно, в разного рода справочниках и указателях. Однако работа над изданием корпусов, построенных по географическому принципу, не снижает, но лишь яснее подчеркивает значение эпиграфических трудов и третьего направления — создания тематических сборников, корпоративно включающих в себя документы той или иной категории греческих надписей, во множестве рассеянных по всей эллиноязычной ойкумене. Принцип построения этих изданий прежде всего хронологический,

В последние полтора-два десятилетия усилиями эпиграфистов всего мира проведена огромная работа по всем вышеназванным направлениям. Что касается первого, то здесь, лишь *exempli gratia*, следует упомянуть не превращавшуюся с кончиной ее горячего патриота Г. Клаффенбаха фундаментальную серию берлинских Согрога — «*Inscriptiones Graecae*», продолженную выпуском «Надписей Фессалии» Х. Эдсона. Далее, нельзя не назвать заслуживающее всякого одобрения начинание западногерманских эпиграфистов по изданию корпусов надписей греческих полисов Малой Азии¹, успешное завершение вторым изданием тома I образцово исполненных «*Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae*» Г. Михайлова, выход в свет «Корпуса боспорских надписей» и многие другие подобные предприятия.

В числе работ второго направления следует, конечно же, приветствовать монографическое переиздание в семи томах «*Bulletin épigraphique*» супругов Жанны и Луи Роберов — не просто удобного собрания аннотационных библиографических *fiches* , но неопценимого по диапазону и тонкости критических и экзегетических замечаний *instrumentum*'а, без которого теперь, разумеется, не обойтись никому, соприкасающемуся с греческой эпиграфикой. Лионский «Институт Фернана Курби», инкорпорированный недавно в «*Maison de l'Orient Méditerranéen Ancien*», принял на себя благодарный труд по изданию индексов к «Бюллетеню» Роберов².

Наконец, и третье направление — пожалуй, самое трудоемкое — не было вовсе оставлено в небрежении. Не говоря уже о существенной переработке Р. Мейсом и Д. Льюисом первой части нестаряющегося сборника М. Н. Тода «*A Selection of Greek Historical Inscriptions*», а также двух выпусках селективных «постдидттенбергеровских» «*Iscrizioni storiche ellenistiche*» Л. Моретти, следует назвать прежде всего сборник Ф. Г. Майера «*Griechische Mauerbauinschriften*» и давно ставшие незаменимыми «*Staatsverträge des Altertums*» (том II — Г. Бенгстон, том III — Х. Х. Шмит). Главным положительным моментом первого издания явилось то, что автор не ограничился составлением комментированной хрестоматии, но сопровождал ее глубоким и содержательным исследованием. Заслугой составителей второй названной публикации следует признать то, что им удалось перешагнуть границы собственно эпиграфического материала включив в свой свод относящиеся к теме свидетельства античных авторов. Нельзя обойти молчанием и очень ценное собрание «Греческих стихотворных надписей» В. Цеека, после публикации первого тома метрических эпиграфий — увы! — попавшее в длительные моратории, а главное, о чем стоит сожалеть, — оставшееся (не считая индекса начальных строк надгробных эпиграмм) без каких-либо указателей.

В пользу того факта, что интерес к последнему направлению эпиграфических штудий не ослабевает, свидетельствуют, например, диссертационные исследования

¹ К настоящему времени вышли «Надписи Эрифр и Клазомен» Х. Энгельмана и Р. Меркельбаха — два тома, «Надписи Илиона» П. Фриша и «Надписи Ассоса» того же Р. Меркельбаха.

² Появились из печати: vol. I, *Les mots grecques*; vol. II, *Les publications*; vol. III, *Les mots français*. К сожалению, том I этого индекса не строится на тех принципах, к соблюдению которых постоянно призывает сам Л. Робер — давать не *notabilia varia*, а *index verborum omnium* с облегающим их контекстом.

западногерманских эпитафистов, вышедшие в последнее время в серии «Vestigia», издаваемой Kommission für alte Geschichte und Epigraphik — «Attische Pachturkunden» Д. Беренда или «Isopolitie» В. Гавантки, авторы которых, правда, ограничились простым каталогом изучаемых документов, не репродуцируя самих текстов.

То же доказывает и рецензируемая на этих страницах монография эпитафиста Марии Летиции Лаццарини «Формулы votивных посвящений в архаической Греции». Потребность в подобном рода исследовании стала ощущаться уже давно. Некогда полезные работы Э. Райша и У. Роуза³, рассматривавшие посвященные надписи лишь как часть греческих votивов вообще, в связи с невероятно возросшим материалом и усовершенствованием методики давным давно устарели. В единственной написанной на данную тему диссертации Г. Наумана⁴ при всей ее неоспоримой ценности, к сожалению, разбирается материал довольно обобщенно и ко всему прочему ограничен ареал исследуемых документов преимущественно Атикой и Ферой. Соответствующие разделы в справочных изданиях (из последних назову: «Griechische Epigraphik» Г. Клаффенбаха, «Epigraphia graeca» М. Гвардуччи и «Epigraphia» А. Кальдерини) касаются данной категории надписей более или менее бегло⁵.

Между тем давно уже было замечено, а особенно явно стало видно после выхода Корпуса В. Пеека, что даже такие, казалось бы, «вольные» эпитафические тексты, как надгробные стихотворения, где индивидуальность творца должна была бы, по идее, сделать каждое сочинение неповторимым, составлялись по строгим канонам, позволяющим разбить их на ряд отчетливо фиксируемых формульных типов. В большей степени это наблюдение следует распространить на посвященные надписи, немалое число которых, кстати сказать, также версифицировано.

Вот почему эпитафист, взявший на себя труд изучения формул греческих votивных документов, уже за одно это заслуживает всяческой похвалы. Своей работой он будет способствовать не только более углубленному пониманию самих текстов, но и окажет бесспорную услугу всякому, кто столкнется с проблемой восстановления эпитафических памятников, сохранившихся неполностью. В этой связи нельзя не вспомнить тонкое замечание, высказанное в начале нынешнего столетия выдающимся русским эпитафистом А. В. Никитским: «Известно также, как необходимо в эпитафике изучение формул, и однако бывает даже издатели полного собрания местных надписей, приступающие к изданию или даже кончающие его без основательного изучения формул, а вследствие этого прибегающие к случайным сопоставлениям, переполняющие тексты невозможными восстановлениями и объяснениями, вводящие в заблуждение дальнейших исследователей, которые полагаются на видимую ученость и добросовестность издателя, иногда не имея сами возможности подвергнуть все издание полной критической оценке»⁶.

Монография М. Л. Лаццарини состоит из двух частей, соответствующих двум этапам исследования. Предварительный сбор огромного по количеству (всего около 3 тыс. надписей, по подсчетам автора — стр. 48), рассеянного по бесчисленным изданиям материала воплотился во второй части монографии — Каталоге, насчитывающем свыше тысячи текстов! Дальнейший этап — собственно исследование формул и лексики греческих votивов — лег в основу первой части монографии. Хронологические рамки работы оправданно ограничены архаическим временем, т. е. с VIII по V в. до н. э. включительно (V в. — «архаический», разумеется, в эпитафическом аспекте). Материалом для исследования послужили разнохарактерные эпитафические тексты votивного содержания: лапидарные документы, надписи на металле, граффити и т. п. Не ограничившись этим, автор широко привлекал посвящения, сохранные античной

³ E. Reisch, Griechische Weihgeschenke, Wien, 1890; W. H. D. Rouse, Greek Votiv Offerings, Cambr., 1902.

⁴ G. Nauman, Griechische Weihinschriften, Diss., Halle, 1933.

⁵ Ср. G. Klaffenbach, Griechische Epigraphik, Göttingen, 1966, стр. 64: «И здесь [в votивных надписях — Ю. В.] новая разработка была бы весьма желательна».

⁶ А. Никитский, Исследования в области греческих надписей, Юрьев, 1901, стр. VIII.

литературной традицией — прежде всего Павсанием и VI книгой «Anthologia Palatina».

После краткого предисловия, характеризующего посвятельные объекты в целом, а также главные греческие святилища, откуда те происходят, автор переходит непосредственно к разработке классификации греческих votивных надписей, которые поделены на две фундаментальные категории — посвящения частного и посвящения общественного характера. Исходя из того, что votивные надписи *par excellence* суть различные комбинации трех основных элементов: имени дедиканта, глагола, выражающего действие посвящения, и имени божества, которому оно адресовано, М. Л. Лаццарини предлагает свою весьма дробную классификацию греческих посвятельных надписей по следующим формульным типам, перечень которых считаю не лишним здесь воспроизвести: 1) ὁ θεῖνα (με) ἀνέθηκε τῷ θεῷ, 2) ὁ θεῖνα (με) ἀνέθηκε, 3) ὁ θεῖνα τῷ θεῷ, 4) ὁ θεῖνα, 5) τοῦ θεῖνος, 6) τῷ θεῷ, 7) ὁ θεός, 8) τοῦ θεοῦ εἰμι, 10) ὦ θεός, σόν (иногда σοῦ) εἰμι, 11) ἱερὸν τοῦ θεοῦ, 12) ἱερὸν εἰμι τοῦ θεοῦ, 13) ἱερὸν τῷ θεῷ, 14) ἱερὸν, 15) формулы, включающие другие элементы, чаще всего название объекта посвящения, 16) посвящения «договорного» характера, когда дедикант оговаривает, что он желает получить от божества взамен, 17) votивы, составленные по особым формулам, 18) посвящения ремесленников, художников, 19) агонистические votивы, 20) посвящения герм, мейлихий, ликеев.

Как видим, разработанная типология достаточно развитая для того, чтобы уложить в ее формульные рамки абсолютное большинство греческих votивов, хотя и она не может объять всего их многообразия, почему и резервирует для особых случаев тип 17.

Прежде чем перейти к характеристике каждого формульного типа, автор подробно останавливается на каждом из трех указанных выше компонентов греческих votивных надписей. Прежде всего это имя дедиканта и относящийся к нему патронимик, термины для обозначения степени родства, демотикон и этникон, а также — что особенно важно для историка — наименование профессии и немногочисленные обозначения социального статуса. Автор отмечает, что случаи, когда посвятель у себя на родине указывал свой этникон, согласно общегреческому обычаю, чрезвычайно редки, но все же встречаются (пять примеров).

Основным глаголом, служившим для обозначения действия посвящения, был ἀνατίθειναι. Лишь в редких случаях его заменяли другие, к примеру, τίθειμι, что, по мнению автора, вызвано соображениями метра. Однако, подвергнув анализу все засвидетельствованные случаи (11), не менее вероятным кажется мне и иное объяснение — в большинстве примеров τίθειμι употреблен по отношению к монументальным сооружениям: алтарям, колоннам, пилястрам, статуям, базам. Лишь один раз он использован применительно к бронзовой амфоре (№ 717). Это позволяет предполагать, что глагол τίθειμι был в данных контекстах семантически адекватен (ἀν)ίστημι, ἰδρῶν, ἔζω и т. п., означая «воздвигать, сооружать» нечто фундаментальное⁷. Любопытно единожды засвидетельствованная в сборнике форма 2 л. ед. ч. ἀνέθηκεας, вторично встреченная недавно в неопубликованном пока ольвийском посвящении статуи некоего Евресивия начала IV в. до н. э.

Из прочих компонентов разбираются: личное местоимение με (интересно отметить в связи с вышеупомянутым посвящением статуи Евресивия его плеонастическое употребление при двух или большем количестве объектов), имя божества, которому адресуется посвящение (Афродита, Аполлон, Артемида, Афина, Диоскуры, Геката, Гера, Геракл, Персефона, Посейдон, Зевс и др.), а также наименования посвящаемых объектов, в ряду которых стоят такие термины, как ἀπαρχή, ἐγκατή, ἀφροδίτων, εὐχολή, εὐχή, δῶρον и дейктические местоимения. Здесь хотелось бы заметить, что в одном votивном граффито из ольвийского Дельфиниона (№ 703) под εἰκοστή автор

⁷ Ср. Ю. Г. Виноградов, Прохус Минвиды из Пантикапея, ВДИ, 1974, № 4, стр. 60 и прим. 26.

предлагает понимать (*in via di ipotesi*) указание не на 20-й день месяца, в который, как предполагал первоиздатель⁸, было совершено приношение, а на $\frac{1}{20}$ дохода, посвящаемую в храм. Подобная интерпретация была уже ранее предложена Ж. и Л. Роберами⁹ (на которых автор не ссылается). Инициаторов новой трактовки подтолкнул, видимо, фальшстарт *дельты* (?) в начале второго слова, откуда можно было бы предположить, что писавший хотел первоначально вырезать $\delta\epsilon\lambda\tau\tau$. Новое толкование, однако, кажется мне неприемлемым, поскольку: 1) фальшстартом могла быть и *альфа* и *лямбда*; 2) даже под *дельтой* могло скрываться намеренное вторично вырезать эпиклезу «Дельфиний»; 3) сама М. Л. Лаццарини отмечает, что данный пример — уникальный в греческой эпиграфике случай посвящения «двадцатинны»; 4) чаще всего именно десятину посвящали Аполлону, откуда он (в Мегарах, Аргосе, Критской Аполлонии, Гиерапитне) получил прозвище $\Delta\epsilon\lambda\tau\tau\epsilon\beta\epsilon\rho\varsigma$; 5) в пользу толкования Е. И. Леви говорят приводимые ею лапидарные свидетельства о почитании ольвинополитами 20-го числа как дня, посвященного Аполлону.

Завершает раздел краткий перечень прочих дедикационных элементов; лицо, за кого сделано приношение, мотив последнего, а также датировка по эпониму. После этого М. Л. Лаццарини переходит к характеристике отдельных форм греческих votивных надписей. Не утомляя читателя подробным разбором, отсылая к соответствующим страницам монографии (стр. 111—152).

Вторую часть исследования составляет анализ посвячительных надписей общественного характера, которые дошли до нас, вполне понятно, в гораздо меньшем количестве. Прежде всего автор останавливается на тех формулах, которые повторяют соответствующие типы частных приношений (типы 1—5), а также на двух особых случаях, в одном из которых в качестве посвятелей выступают Дионис и Геракл — сыновья Зевса от Семелы и Алкмены, стражи Фасоса (№ 915)!

Во второй разряд включены votивные надписи с упоминанием эпонимов. Как замечает М. Л. Лаццарини, она выделяет их в особую группу, чтобы подчеркнуть тот факт, что все они происходят из Беотии вместе с одним экземпляром из соседних Опунтских Локр (стр. 156). С этим наблюдением трудно согласиться: в каталоге самого автора под № 935 помещено посвящение афинских пританов, победа которых датирована $\epsilon\pi\prime$ $\epsilon\beta\eta\tau\iota\mu\omicron\nu\omicron\varsigma$ $\alpha\rho\chi\omicron\nu\tau\omicron\varsigma$ (408/407 г. до н. э.). Кроме того, автором не учтено опубликованное в 1968 г. лапидарное посвящение ольвийских мольпов третьей четверти V в. до н. э. (НО 58), датированное по эсимнету¹⁰. Иными словами, датировку votивных надписей по эпониму уже в V в. до н. э. следует признать общегреческим, а не локальным обычаем.

В особую рубрику выделены коллективные посвящения колонистов, а также более многочисленные votивные приношения магистратов, разобранные по местностям и по наименованию должностей. Здесь автору имело бы смысл еще раз подчеркнуть (особенно ввиду время от времени повторяющейся типичной ошибки¹¹), что в тех случаях, когда должность передавалась через *part. aoristi*, посвящение было совершено от лица

⁸ Е. И. Леви, Материалы ольвийского теменоса, «Ольвия. Теменос и агора», М.—Л., 1964, стр. 146 слл. Принято Б. Лифшицем (Hermes, 94, 1966, стр. 236 сл.).
⁹ Bull. ép., 1967, № 398; принято Т. В. Блаватской, ВДИ, 1975, № 3, стр. 191, прим. 13.

¹⁰ По убедительному восстановлению Ф. Графа (F. Graf, Museum Helveticum, 31, 1974, стр. 209 слл.). Попутно замечу, что осторожно предлагаемое Е. И. Леви (НО, стр. 59) и поддержанное П. О. Карышковским (ВДИ, 1969, № 2, стр. 115) дополнение в стк. 6 имени $\epsilon\beta\eta\tau[\alpha\iota\omicron\varsigma]$, видимо, приходится отклонить, поскольку в таком случае на камне должен был бы сохраниться верхний уголок второй *альфы*. За *tau* могла следовать лишь какая-либо маленькая округлая буква, т. е. *омикрон*, или *омега*, что допускает восстановления: $\epsilon\beta\eta\tau[\acute{o}\beta\omega\rho\omicron\varsigma]$, $\epsilon\beta\eta\tau[\sigma\mu\omega\omicron\varsigma]$, $\epsilon\beta\eta\tau[\acute{\omega}\nu\mu\omicron\varsigma]$ и т. п. (ср. Milet, I, 3, Register IA, стр. 293) или наиболее вероятное $\epsilon\beta\eta\tau[\omicron\kappa\lambda\eta\tau\omicron\varsigma]$ неоднократно засвидетельствованное в Ольвии (ИАК, 27, 1908, стр. 69, № 1; В. Lifshitz, Hermes, 94, 1966, стр. 237; по каталогу М. Л. Лаццарини — № 174а).

¹¹ См. Ю. Г. Виноградов, О методике обработки греческих эпиграфических памятников, «Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР», М., 1978, стр. 52, прим. 17.

экс-магистрата именно за успешное завершение срока исполнения им служебных функций. *Expressis verbis* это выражено, например, в посвящении Гераклу некоего Акерата, найденном на о. Фасос (№ 947), который подчеркивает что он совершил его ἀρετῆς ἐ(ὶ)νεκεν ἀτιδίης. Надпись эта вызвала жаркие споры среди экзегетов, поскольку в ней сообщается, что Акерат один исполнял должность (архонта?) как у фасосцев, так и на Паросе (ὅς θασσιόσιν καὶ Παρίοις ἤρχεν μόνος ἐν ἀνοτέροις), что противоречит факту независимого положения Фасоса по отношению к своей метрополии в последней четверти VI в. до н. э. (дата надписи)¹². Было предложено видеть в ней указание на симполитию двух полисов (Л. Робер), исполитию (М. Лоней) или обоюдное гражданство (Ж. Пуйю). Р. Вернер предполагает, что эта выдающаяся личность сначала была паросским, а затем фасосским архонтом.

Пытаясь найти выход из тупика противоречий, можно было бы предложить восстанавливать вместо Παρίοις' точно соответствующее лакуне Παρῶνις'. При таком чтении получается, что Акерат (одновременно?) исполнял должность (или должности) на Фасосе и в Перее, т. е. в дочерних выселках фасосцев на фракийском материке, находившихся в то время под политическим и экономическим контролем острова. Тогда становилось бы и более понятным, что под полисом, на благо которого Акерат предпринимал неоднократные посольства (πολλὰς δ'ἀγγελίας προ πόλεως κατὰ φῶλα διῆλθεν ἀνθρώπων), имеется в виду, конечно, само Фасосское государство, с его материковыми владениями. Подчеркнуть возможность иного восстановления тем более важно, что на базе данной надписи строились ответственные далекоидущие выводы о политико-правовых взаимоотношениях колоний и метрополии на раннем этапе.

Заканчивается исследование анализом особой категории — посвящений трофеев в честь победы над противником. В кратком Заключении (стр. 169—177) подводятся итоги и дается общая характеристика вотивных надписей, следуя различным географическим областям.

Основную ценность монографии М. Л. Лаццарини составляет каталог вотивных надписей — плод многолетнего кропотливого труда. Эпиграфические документы сгруппированы в нем по формульным типам, порядок следования которых изложен выше, а внутри рубрик — по географическому принципу. Каждая надпись снабжена леммой (указание на место находки, хранения, характер памятника, датировку, основные издания) и отсылкой на соответствующие страницы исследования, где она просто цитируется либо анализируется. Каталог посвящений составляет ценный thesaurus, несмотря на отдельные претензии, которые можно предъявить его полноте. Так, если касаться эпиграфики Северного Причерноморья (Ionia Pontica, по дефиниции М. Л. Лаццарини), ближе знакомой рецензенту, то, оставая в стороне многочисленные стандартные граффити, приходится пожалеть о том, что в Каталоге не находилось таких интересных по времени и ономастике посвящений, как вотив Соны из Пантикапея¹³ или бронзовый светильник, принесенный Гегенассой, дочерью Ликона в дар Артемиде Эфесской¹⁴, не говоря уже о важной серии лапидарных посвящений сакральной коллегии мольцов в ольвийский Дельфинион (НО 55, 56 + 57, 58; см. выше).

Составитель хрестоматии по вполне понятным причинам ограничил круг источников аутентичными памятниками, хотя и широко использует реминисценции вотивов в античной литературе. Но в этой связи все же нельзя не пожалеть, что полностью обойден вниманием такой важный памятник, как «Линдийская хроника» с ее богатым содержанием. Приведу exempli gratia одно архаическое посвящение, довольно развитое по формуле: Λινδίων τοῖ μ[ε]τὰ Παγκίος παίδων Κυράναν κτίσαντες σύν Βά[τ]τω[ι] Ἀθανάϊα καὶ Ἡρακλῆϊ [δ]εκά[ταν ἀπό] λαΐας ἀν Ἐλ[α]βον ἀ[πό— —]ων¹⁵.

¹² Различные попытки интерпретации изложены в работе: R. W e r n e r. Probleme der Rechtsbeziehungen zwischen Metropolis und Apoikie. Chiron, 1, 1971, стр. 45, прим. 101.

¹³ Н. П. Розанова, ВДИ, 1960, № 3, стр. 130—132.

¹⁴ Г. П. Сергеев, ВДИ, 1966, № 2, стр. 134.

¹⁵ Chr. B l i n k e n b e r g, Die Lindische Tempelchronik. Kleine Texte, 131, Bonn, 1915, стр. 20, № XVII.

Я не склонен разделять скепсиса некоторых исследователей¹⁶ по поводу фиктивного характера цитируемых в «Хронике» надписей, особенно версифицированных — не будучи, может быть, абсолютно аутентичными, они (начиная, разумеется, с архаического времени) в целом близко передавали содержание, а главное — синхронные эпохе вотивные формулы.

Монография снабжена двумя индексами: мест происхождения надписей и греческих слов, включая имена собственные. В конце приложены две фототаблицы, репродуцирующие несколько спорных по чтению или интерпретации памятников (хотелось бы видеть в подписях под рисунками и номера надписей по Каталогу для лучшего ориентирования).

Сделанные замечания — скорее пожелания, чем упреки автору, — не могут умалять главных достоинств работы. Выполненное на высоком техническом и методическом уровне исследование М. Л. Лаццарини ощутимо заполняет лагуну, давно зияющую в эпиграфической науке, и сослужит, вне всякого сомнения, добрую службу не одному поколению исследователей.

¹⁶ Там же, стр. 19, комм. к стк. 104; стр. 23, комм. к стк. 25.

Ю. Г. Виноградов

J. R. HAMILTON, Alexander the Great, London, 1973

Жизнь и деятельность Александра Македонского — объект постоянных исследований антиковедов. Каждый год выходят работы (разного характера и разного достоинства), посвященные македонскому царю. Одной из характерных черт современного западного антиковедения стало то, что в этом огромном потоке литературы все большее место занимают исследования, в которых жизнь и деятельность прославленного завоевателя рассматриваются не сквозь призму предвзятых идей и концепций, зачастую идеализирующих его, делающих его апостолом братства народов (В. Тарн) или носителем идеи распространения греческой культуры (У. Вилькен). Все большее место занимают работы, в которых деяния Александра становятся объектом строго научного анализа, при полном учете исторической обстановки, намерений и сил его противников.

Один из трудов такого плана представляет и книга Дж. Р. Гамильтона, автора вышедшего несколько ранее комментированного издания биографии Александра Плутарха¹. «Реалистичность» общей картины, нарисованной им, сходство основных мыслей, концепций и выводов с тем, что в той или иной степени представлено в ряде новых работ, в том числе уже рецензировавшихся в нашей литературе², избавляет нас от необходимости производить подробный разбор всей книги Дж. Р. Гамильтона. Но вместе с тем в его книге имеется ряд положений и тезисов, которые, как кажется, заслуживают определенного внимания, иногда потому, что они своеобразны, расходятся с тем, что писалось ранее, и должны быть учтены при дальнейших исследованиях, иногда же в силу того, что взгляды автора вызывают определенные сомнения или возражения.

Прежде всего Дж. Р. Гамильтон занимает среднюю позицию среди двух крайностей, которые наблюдаются сейчас при описании самой натуры Александра и побудительных мотивов его деятельности. Для некоторых историков среди таких побудительных мотивов первое место занимает «потос» — непреодолимая страсть к познанию неизвест-

¹ J. R. Hamilton, *Plutarch, Alexander: a Commentary*, Oxf., 1969.

² См., например, рец. на кн.: P. Briant, *Alexandre le Grand*, Paris, 1974. — ВДИ, 1977, № 1, стр. 237 слл.